

«НЕПОЛНОЦЕННЫЕ» МАТЕРИ И «ОТВЕТСТВЕННЫЕ» ДОЧЕРИ В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Еще ни одна из современных писательниц не обошла в своих произведениях проблему специфических взаимоотношений матери и дочери, не сводимых к отношениям матери и ребенка в целом. Художественный вымысел, помноженный на личный опыт и обогащенный эмпатичным восприятием читательниц, переживших или переживающих подобное, превращает их произведения в уникальный инструмент, формирующий коллективное представление о материнско-дочерних отношениях, и в основной материал для психоаналитических изысканий, которые в свою очередь подпитывают литературное творчество.

Перед исследователем этих произведений встает выбор: пойти традиционным путем и изучать их с точки зрения проблематики материнско-дочерних отношений или попытаться понять пространство этих отношений, «рассматривая его сквозь призму и фильтр художественного вымысла» [6]. Второй путь интересен психоаналитикам, в то время как для литературоведов предпочтительнее синтез предложенных вариантов.

Несмотря на то, что и в науке, и в литературном творчестве наблюдается повышенный интерес к заявленной проблеме, она мало изучена: «В противоположность многочисленным исследованиям о материнстве, о родственных связях, женственности или женской сексуальности практически не существует размышлений, в частности психоаналитических, об отношениях матери и дочери» [6]. Цитируемый фундаментальный труд известных французских психоаналитиков К. Эльячефф и Н. Эйниш, всесторонне освещающий извечные проблемы семейных отношений, является едва ли не единственным научным изысканием, где исследуются в первую очередь все аспекты и тонкости взаимоотношений матери с дочерьми.

Логично, что в андроцентричном, патриархальном мире эти отношения довольно поздно оказались в поле зрения литературы и ученых. Утверждение на современном этапе нового и уже не маргинального явления – женской литературы – открыло для исследования новые возможности: женщины-писательницы предоставили свидетельства «из первых рук».

В этом аспекте израильская женская литература, остающаяся для отечественного литературоведа и читателя *Terra Incognita*, представляет особый интерес, так как раскрывает взаимоотношения матери и дочери сквозь призму специфических проблем израильского общества, обусловленных как общемировыми тенденциями, так и историко-этническими особенностями. Общемировая тенденция заключается в повышении роли женщин в социальных процессах. Этнокультурная специфика Израиля обусловлена периодом галута (изгнания), репатриацией и сложностями, связанными с возвращением на историческую родину, террором и многочисленными войнами, не прекращающимися со дня образования государства.

Все эти тенденции прямо или опосредованно, в большей или меньше степени находят отражение в произведениях израильских писательниц. Их матери и дочери подходят под любую классификацию, предлагаемую психоаналитиками, но их взаимоотношения несут отпечаток своего пространства и времени, подвергая сомнению утверждение: «В отношениях матери и дочери зачастую сложно разделить, что специфично для определенной эпохи, а что носит универсальный характер» [6].

Странно, но произведения писательниц одной из самых «чадолюбивых» стран, презентуют образы «неполноценных» матерей. Разгадка кроется в субъективных переживаниях авторов, которые никогда не смогут освободиться от объективного статуса дочери.

Реальный опыт *быть дочерью*, ощущающей недостаток материнского внимания, поддержки, транспортируемый в область воображения позволяет отмежеваться от индивидуального и разделить общие ориентиры того типа отношений, который существует между объективными проявлениями материнского поведения и тем, как эта мать субъективно воспринимается дочерями. Общим для всех этих проявлений является их экстремальный характер: превосходство или подчиненность, ревность или несправедливость, неполноценность или просто полное отсутствие. В этом многообразии экстремальных характеров израильская литература выбирает «неполноценность».

Неполноценность матери обусловлена депрессивной опустошенностью, причины которой могут быть разные:

- смерть мужа (Сара Шило «Гномы к нам на помощь не придут» [5], Алона Кимхи «Лунное затмение» [3]);

- нестабільное матеріальное положеніє (Сара Шило «Гномы к нам на помощь не придут», Алона Кимхи «Лунное затмение»);
- страх одиночества (Алона Кимхи «Лунное затмение»);
- боязнь привязанности, ответственности («...твердила я себе, еє ты не будешь любить» [4, 14]. «Я обязана себя защищать» [Там же] «Я подумала: может отдать еє другой матери, чтобы та спрятала еє» [4, 64]);
- образ собственной «всесильной» матери (Цруйя Шалев «Я танцевала, я стояла» [4])
- сложности репатриации (Алона Кимхи «Лунное затмение»);
- угроза болезни, террора, войны («Я все время чего-то боюсь. Боюсь, что мой следующий ребенок тоже родится мертвым. Боюсь, что Наоми (дочь героини – П.Ш.) заболет...Целых пять лет я живу в постоянном страхе. Но ведь даже когда они вырастают, это все не кончается. *Не дай Бог теракт...Не дай Бог погибнет на войне* (курсив мой – П.Ш.)» [2, с. 39])

Несмотря на разнообразие причин, они не могут оправдать отношения, где мать не в состоянии дать дочери ту любовь, в которой та нуждается, и потому они воспринимаются последними как нелюбовь. Реакция на эту нелюбовь также разнообразна и неожиданна: от неприятия, обиды на мать до всепоглощающей любви-страдания («Каждый день девочка мне говорила: «Я видела женщину, у нее волосы были как у тебя, у нее брюки были как у тебя, у нее свитер был как у тебя, у нее чулки были как у тебя, и я решила, что это ты, но это была другая женщина»» [4, с. 26] «Она слишком меня любила. В этом была еє беда» [4, 29]); от желания сбежать до желания стать матерью собственной матери. Последнее встречается в произведениях израильских писательниц чаще, подтверждая вывод психоаналитиков: «В таких случаях дочь, даже если это всего-навсего грудной младенец, постарается – теми способами, которыми она располагает в соответствии с еє возрастом, физическим и психическим развитием, – переложить на себя ответственность за свою мать», объясняя это желанием «заполнить «психические прорехи», которые возникают из-за нехватки материнской любви» [6].

Рассказ «Лунное затмение» [3] Алоны Кимхи как будто создан для психоаналитических изысканий. Во-первых, потому что он автобиографичен. Во-вторых, потому что тут присутствуют все составляющие взаимоотношений «неполноценной матери» и «ответственной за мать» дочери.

Еще маленькой девочкой, Анастасия (героиня рассказа) после смерти отца остро почувствовала отчуждение матери: «...я не плакала. Просто сидела на маленьком стульчике в своем углу с игрушками.... И ждала, что она меня позовет. <...> Но она... только иногда поворачивала голову, смотрела на меня, будто не знает, кто я такая. И молчала» [3, 160].)

Но вместо обиды и разочарования еє маленькое сердце наполнилось любовью, состраданием и желанием взять на себя ответственность за разбитую горем мать: «Я ничего не могла сказать, у меня был комок в горле, и прижавшись к ней, голову уткнула ей в грудь, и вдыхала еє запах, не духом, как когда-то, а запах еє горя, похожий на запах пыли, и спрятала в нее лицо и сказала себе, что теперь буду заботиться о ней всю жизнь, изо всех сил, чтобы у нее больше никогда не было горя, и что теперь это моя ответственность» [3, 161].

Затем будет новая влюбленность матери, еє новая семья, где девочка от первого брака обречена на унижения и молчание. Но несправедливость вечно придирающегося ненавистного отчима и растерянность матери, даже не пытающийся еє защитить по понятным причинам («...я вижу, что она боится. Боится, что он, как всегда, начнет еє терзать. Не будет с ней разговаривать, захочет еє бросить, развестись с ней, и все из-за меня» [3, 155]) только утверждают дочь в *материнской* ответственности за мать: «...я так стараюсь хорошо себя вести, соблюдать чистоту, не злиться, не капризничать, не пачкать. На мне лежит ответственность, я должна делать все, чтобы он обращался с ней хорошо..., а главное, чтоб он еє не бросил» [3, 161].

Рассказ этот, как и все произведения об отношениях матери и дочери, оказывается между подлинным свидетельством и вымыслом. Во взаимодействии правды и воображения заключена двойственная позиция писательницы, которая оказывается между идеализацией и разоблачением своей матери. С одной стороны, заключив рассказ в границы монолога, автор пытается придать истинность художественному изображению. Непосредственное свидетельство дочери о том, с какими трудностями она сталкивается для того, чтобы поддерживать односторонне положительные чувства к своей реальной матери, неминуемо ведет к разоблачению, а отсюда к обличению матери. С другой стороны, для материнской идеализации, автор прибегает ко всевозможным способам: то одаривая девочку придуманным нею звездным миром, где солнце – это, конечно, мать, а самая скучная звезда – земной шар – отчим; то, например, превращая незначительные эпизоды в события, кардинально меняющие отношение к девочке окружающих (но не отчима!), и где ключевой фигурой становится мать (приобретение новой одежды, посещение фотоателье). Благодаря этим событиям на мгновение мать и дочь становятся источником радости друг для друга. И неважно, что после них последуют новые конфликтные ситуации. Именно конфликты дали толчок разви-

тию новых (без подавления или идеализации) отношений, в которых противоречия осмысливаются и проговариваются. Мать приходит к дочери поделиться своей радостью – новой беременностью. Приходит как к родному человеку, как женщина к женщине, как мать к дочери. На горизонте забрезжила новая жизнь. Закрытый придуманный девочкой звездный мир соединится с реальным. Но она по-прежнему будет ощущать ответственность за мать: «... я буду идти рядом с ней, близко-близко, и она будет радоваться, что все так прекрасно... и буду знать, что это я – волшебная фея, я все устроила, уладила все проблемы, так замечательно себя вела. Будет пахнуть травой с поля и морем, и мы будем тихо сиять в темноте, как новое, только что открытое созвездие» [3, 172]

В романе Цруйи Шалев две матери, две дочери. Отношения в схеме мать – дочь-мать – дочь получают неожиданное в духе классического сюрреализма развитие. Напускное равнодушие матери, постоянно и нарочито забывающей ее имя, программирует желание героини отгородиться уже от своей дочери, которая, желая «избежать столкновения с ней», ищет поддержку, защиту у отца, по-прежнему ощущая потребность в материнской любви. Но мать боится окружить заботой и любовью ту, которая в них так нуждается: «...твердила я себе, ее ты не будешь любить» [4, 14]. «Я обязана себя защищать» [4, 14] – несколько раз повторяет героиня. От чего? От любви, которая несет в этот мир страдания, которую она «выбросила в мусорное ведро», но без которой, оказывается, не может жить

Большинство психоаналитических моделей строятся на описании материнской власти. Героиня романа Цруйи Шалев, «неполноценная мать», олицетворяет не власть, от которой она сознательно отказалась, и не силу, которую растеряла, а беспомощность и бессилие перед своим предназначением, любовью дочери (и к дочери), страданием, перед действительностью и перед бессознательным. Она меняется местами со своей маленькой, хрупкой девочкой, которая оказывается сильнее матери. Детская сила исчезнувшей дочери, отвергающая агрессию и уничижение, возвращает героине желание любить, иметь свой дом, семью, единственного мужчину и ребенка, желание, естественное для женщины. Только потеря дочки помогла героине осознать, что она сама уже не маленькая девочка, убежавшая от «всесильной матери» в поисках защиты сначала к отцу, а потом к многочисленным мужчинам. Она – женщина-мать, мечтающая о том, что у нее уже было, – о девочке, которую она будет любить, не страшась страданий и не пытаясь переложить ответственность за нее на плечи отца или другой женщины, о доме, который она будет оберегать, «и о том, что у нее будет только один мужчина, и когда он будет к ней приходить, она будет распрямляться ему навстречу, уставшая и большая. Еда буде горячей и сытной» [4, 64].

В произведении есть два ключевых слова: *девочка* и *дом*, – которые позволяют увидеть в романе не феминистскую «убежденность женщины», что «мир настроен против нее» [1], а трагедию матери, потерявшей дочь, а с ней семью, дом, смысл и жизнь. Осознание истинного предназначения к взрослой матери приходит от маленькой девочки.

На плечи героини романа Сары Шило «Гномы к нам на помощь не придут» после смерти мужа легла ответственность за шестерых детей. К проблемам, связанным с заботами о детях, добавляются проблемы, сопровождающие жизнь в приграничном городке на севере Израиля, который постоянно подвергается обстрелам. Если рассказ Алоны Кимхи и роман Цруйи Шалев представляют внутренний монолог одного героя (в первом случае – дочери, во втором – матери), роман Сары Шило полифоничен. Во многоголосии монологов Симоны и ее детей не только раскрывается внутренний мир каждого и попытка по-своему справиться с навалившимся на них горем, но и дается оценка действий матери. Симону сложно назвать «неполноценной» матерью, она справляется со своими обязанностями. Но детям не хватает ее уверенности, твердости. Ее внутренний монолог во время очередного обстрела создает образ женщины, жившей беззаботно за надежной спиной любимого и любящего мужа, а потеряв его, не сумевшей выйти из депрессии и не научившийся быть главой семейства, принимать решения, брать ответственность на себя. Именно такой воспринимают ее старший сын и единственная дочь. Знаменательно, что монолог дочери завершает роман. Женское начало и женское завершение. Мать и дочь. В свое время, как вспоминает в своем монологе Симона, ее муж заметил о дочери: «Видишь она пальчики в кулачки не сжимает, раскрытыми держит. Это значит, что она ничего не боится» [5, 82]. Но девочка боится, боится воя сирены, взрывов бомб, длительного сидения в бомбоубежище, напоминающего ей сцены из Катастрофы (Холокоста), боится за своих родных, за самых младших братьев-близнецов, родившихся уже после смерти отца и выросших на ее руках. Но больше всего она боится лжи, которая поселилась в их доме и которая встала между нею и матерью. Девочка Эти не может простить Симоне слабость, когда та позволила близнецам считать своим отцом и своим мужем старшего брата и в дальнейшем своими действия поддерживала ложь. Автор создает ситуацию, когда девочка оказывается сильнее взрослой матери и старшего брата, решившись на разоблачение затянувшейся лжи. Она стоит на пороге взрослой жизни. Для девочки процесс самоидентификации проходит через идентификацию с матерью. Для идентификации недостаточно простой принадлежности к

тому же полу, что и мать, надо, чтобы процесс идентификации исходил от самой дочери. Эти развиваются не вопреки матери, а скорее, как мать и совместно с матерью. Но дочь должна выстроить себя не по образу и подобию *другого*, а по образу *самой себя*, такой, какая она есть на самом деле. Трудность заключается в том, что все это необходимо согласовать с чувством любви к собственной матери. Может поэтому инструментом разоблачения лжи в повести становится сказка. Но это сказка – правда через красивый вымысел для малышей. В реальности отношения между матерью и дочерью уже не будут прежними. Когда дочь обнаруживает, что у матери есть недостатки, приходит неизбежное осознание материнской неполноценности и ответственности за нее.

В произведениях Алоны Кимхи, Цруйи Шалев, Сары Шило представлены различные формы материнской «неполноценности», в основе которой всегда лежит «субъективно переживаемая неудовлетворенность потенциально бесконечными ожиданиями дочери и объективное неисполнение матерью своих обязанностей» [6].

Писательницы не ставят перед собой задачи идеализации и разоблачения, а просто пытаются выяснить главное условие для установления необходимого равновесия в материнско-дочерних отношениях. Это условие на поверхности: в отношении матери и дочери необходимо ввести третьего участника, который позволит каждой занять свое место – не больше и не меньше. В названных произведениях это невозможно. В рассказе Алоны Кимхи («Лунном затмении») в паре мать-отчим дочь исключена из пространства отношений. В романе Цруйи Шалев («Я танцевала, я стояла») героиня сама разрушила это пространство. В романе Сары Шило («Гномы к нам на помощь не придут») этот третий выпал из пространства вместе со своей смертью.

Ощущение щемящей тоски сопровождает все события в произведениях, но хотя *хэпи энда* не случается ни в одном из них, чувство безысходности исчезает и появляется надежда, потому что финалы, оставаясь открытыми, разомкнуты в будущее и воспринимаются как начало-ожидание новой жизни (рассказ «Лунное затмение»), новой сказки (роман «Гномы к нам на помощь не придут»), новой семьи (роман «Я танцевала, я стояла»). Открытые финалы в произведениях израильских писателей утверждают, что идеальные матери существуют только в воображении людей, идеализирующих семью, но взаимоотношения между матерью-дочерью, неизбежно постоянно меняющиеся, могут быть нормальными, но при условии, «что они не должны исключать ни отца, ни дочери, ни матери, то есть третий в них никогда не должен становиться «лишним» [6]. Как в воображаемом будущем героиня Иегудит Кацир «А облака плывут, плывут ...», у которой все это уже есть: «Потом у меня родится ребенок. Я буду кормить его грудью и целовать... По субботам мы все вчетвером – Яир, Наама, я и младенец – будем ходить на море или в Парк-а-Яркон. Разложим на траве одеяло, уляжемся на него и будем смотреть вверх – на просвечивающее сквозь густую зелень деревьев голубое небо и на облака, похожие на людей и животных» [2, 90-91].

Список использованной литературы

1. Интервью с Зоей Копельман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://shaareinashim.com.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=105:l-r&catid=30:2012-06-18-11-19-23&Itemid=44
2. Кацир Иегудит. А облака плывут, плывут ...; Сухопутные маяки: Повести / Иегудит Кацир. Пер. с иврита Б. Борухова. – М. : Текст, 2008. – 221 с.
3. Кимхи Алона. Лунное затмение / Алона Кимхи // Плоды смоковницы. Современный израильский рассказ. Антология / Составитель Хая Хофман / Пер. с иврита. – Иерусалим, 2002. – С. 144-172.
4. Шалев Цруйя. Я танцевала, я стояла / Цруйя Шалев. – Иерусалим : Гешарим; М. : Мосты культуры, 5761 – 2000. – 176 с.
5. Шило С. Гномы нам на помощь не придут: Роман / Сара Шило; Пер. с иврита Б. Борухова. – М. : Текст: Книжники, 2011. – 379 с.
6. Эльячефф Каролин, Эйниш Натали. Дочки-матери. 3-й лишний? [Электронный ресурс] / Каролин Эльячефф, Натали Эйниш. – М. : 2011. – 448 с. – Режим доступа: <http://coollib.net/b/219738/read#t1>

Анотація. У статті розглядається специфічне відображення в ізраїльській жіночій літературі проблеми відносин матері та доньки, обумовлене як загальносвітовими тенденціями так і історико-етнічними особливостями. Ізраїльські письменниці намагаються з'ясувати головну умову для встановлення рівноваги у цих відносинах. Механізм ідеалізації та викриття не працює, і вони вимушені визнати необхідність введення у тандем мати-донька третього учасника.

Ключові слова: психоаналіз, відкритий фінал, жіноча література, конфлікт, художня вигадка.

Summary. *The article looks at the peculiar representation of mother-daughter relationships in Israel women's fiction. The topicality of this issue is conditioned by both a poor study of this subject and addressing to Israel literature being Terra Incognita for native readership and literary theorists and critics. The works of Israel women writers are of peculiar interest for they unclosethe mother-daughter relationships through the unique problems of Israel society conditioned by general world tendencies and historical-ethnic peculiarities.*

The subjective authors' feelings represent the characters of "invalid" mothers who will always fail to get rid of the objective daughter status. Mother's defectiveness as an extremeness display is explained by the depressive emptiness of various nature.

On the study focus there are the works of Alona Kimhi (short story "Lunar eclipse"), of Zeruya Shalev (novel "I danced, I stood"), of Sara Shilo (novel "Dwarves won't come to help us"), in which the daughter's reaction to the seeming mother's unlove results in the desire to become her own mother's mother. The daughter's discovery of mother's drawbacks leads to the inevitable consciousness of mother's deficiency and responsibility for her.

The authors make an attempt to reveal all twists and turns in relations between "invalid mother" and "responsible for mother" daughter using either idealization or disclosure of mothers. That aims to find out the condition for the necessary balance in mother-daughter relationships. The open end in stories claim that ideal mothers exist only in the imagination of people making a family ideal, and inevitably changing mother-daughter relations may be normal on condition of a third participant showing the place to every of her.

Key words: *psychoanalysis, open end, women's literature, conflict, artistic invention.*

Отримано: 20.04.2016 р.